

Побеждает наименее толерантный:

Как работает диктатура меньшинства

16 августа 2016 г. 168289 Нассим Талеб

Американский экономист и трейдер, автор теории «Черного лебедя»

Как Европа начнет есть халяльное.

— Почему необязательно курить в зале для курящих.

— Что выбрать на банкете в честь падения саудовского режима.

— Как не дать другу переутомиться.

— Обращение Омара Шарифа.

— Как заставить рынок рухнуть.

Ситуация, которую я собираюсь описать — лучший известный мне пример, дающий полное представление о том, как функционируют сложные системы. Когда численность бескомпромиссно настроенного меньшинства определенного типа достигает какого-то порогового уровня — казалось бы, незначительного, скажем, в три или четыре процента от общей численности населения, — остальной популяции приходится подчиниться их предпочтениям.

Кроме того, вместе с доминированием меньшинств возникает занятая оптическая иллюзия: наивному наблюдателю будет казаться, что в обществе господствует выбор и предпочтения большинства. Возможно, это кажется вам абсурдным, но причина этого в том, что наши интуитивные суждения плохо работают в подобных ситуациях (настолько, что лучше вообще забыть обо всем, что кажется нам очевидным с научной или академической точки зрения — такие озарения неприменимы к сложным системам, хотя с успехом заменяют житейскую мудрость).

Основная идея теории сложных систем заключается в том, что поведение целого нельзя предсказать по свойствам его частей. Взаимодействие значит гораздо больше, чем устройство элементарных единиц. Изучение отдельных муравьев никогда (редкий случай, когда можно с уверенностью употреблять слово «никогда»), никогда не даст нам представления о том, как устроен муравейник. Для этого нам придется рассматривать муравейник как целое, а не как большую кучу муравьев — ни больше, ни меньше.

Это свойство систем называется «эмерджентность»: целое отличается от суммы составляющих его частей, потому что главное — это то, как протекает взаимодействие между частями. Притом эти взаимодействия могут подчиняться очень простым правилам, и сейчас мы обсудим как раз одно из таких правил — правило меньшинств.

Правило меньшинств показывает: *чтобы сообщество функционировало должным образом, нужно только одно — небольшое количество нетолерантных, добродетельных людей, которые лично заинтересованы в исходе игры.*

По иронии судьбы, эта сцена, как нельзя лучше иллюстрирующая поведение сложных систем, произошла на пикнике, устроенном Институтом сложных систем Новой Англии. Пока организаторы устанавливали столы и расставляли напитки, ко мне подошел приятель — ортодоксальный иудей, употребляющий только кошерную пищу. Зная, что он весьма наблюдателен, я предложил ему стакан этой желтой подслащенной воды с лимонной кислотой, которую люди почему-то иногда называют лимонадом, — почти в полной уверенности, что он откажется из-за своих диетических ограничений. Однако он преспокойно принял напиток (назовем это лимонадом). Еще один гость, также

соблюдающий кашрут, заметил: «Тут все напитки кошерные». Мне указали на картонную коробку: на ней был напечатан крошечный символ, буква U в круге — отметка о кошерности. Этот символ сразу видят те, кто знают о нем и специально ищут. Остальные же, как и я сам — «я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой!» — пьют кошерные напитки, и не подозревая, что они кошерны.

Рисунок 1. Упаковка лимонада с буквой U в круге, указывающей на кошерность продукта

Преступники с аллергией на арахис

И тут я осознал странный факт. Кашрут соблюдают менее 0,3% жителей Соединенных Штатов. Тем не менее почти все напитки кошерны. Почему? Да потому что с полностью кошерными напитками производителю, бакалейщику или ресторатору проще живется — не приходится заботиться о специальной маркировке, отдельных прилавках и хранилищах, раздельной инвентаризации.

Простое правило, которое меняет всю систему, звучит так: Человек, соблюдающий кашрут (или халяль), никогда не станет есть тrefную (или харамную) пищу, но человеку, не соблюдающему кашрут, ничто не запрещает употреблять кошерное.

То же правило можно перефразировать для другой сферы: Инвалид не может пользоваться обычным туалетом, но человек без инвалидности вполне способен воспользоваться уборной для инвалидов. Конечно, иногда на практике мы не решаемся воспользоваться туалетом для инвалидов, но причина этого в том, что мы ошибочно распространяем на уборные правило, касающееся парковочных мест, и думаем, что пользоваться ими вправе только инвалиды.

Человек, страдающий от аллергии на арахис, не может есть продукты, содержащие его хотя бы в следовых количествах, но те, кто от аллергии не страдает, вполне могут есть пищу без арахиса. Именно поэтому так трудно найти арахис в самолетных меню, а в школьном питании его и вовсе не сыщешь (и тем самым мы способствуем увеличению количества людей с аллергией на арахис: одной из причин возникновения такого рода аллергий является снижение частоты воздействия того или иного раздражителя).

Давайте попробуем для развлечения применить это правило к различным областям: Честный человек никогда не станет совершать преступления, но преступник запросто может заниматься законными делами. Назовем такое меньшинство «бескомпромиссной» группой, а большинство — «гибкой». Правило приводит к возникновению асимметрии при выборе.

Однажды я разыграл приятеля. Много лет назад, когда крупным табачным компаниям еще удавалось скрывать пагубность пассивного курения, в ресторанах Нью-Йорка были залы для курящих и некурящих (звучит удивительно, но «курящие» места были даже в самолетах). Мы с приятелем, прилетевшим из Европы, отправились пообедать, и свободные столики оказались только в зале для курящих. Я убедил своего друга, что нам нужно купить сигареты, потому что в зале для курящих приходится курить. Он подчинился.

И еще две вещи.

- Во-первых, значение имеет география, то есть пространственная структура местности; очень важно, изолирована ли «бескомпромиссная» группа в собственном районе или распределена среди большинства населения. Если люди, следующие правилу меньшинств, живут в гетто, где поддерживается отдельная микроэкономика, правило меньшинств окажется неприменимо к большинству. Но когда меньшинство распределено в пространстве равномерно, — то есть доля представителей меньшинства в районе та же, что и в городе, их доля в городе та же, что и в графстве, доля в графстве — та же, что и в штате, а в штате — та же, что и по всей стране, «гибкое» большинство начнет подчиняться правилам меньшинств.
- Во-вторых, огромное значение имеет структура затрат. Вспомним наш первый пример: чтобы сделать лимонад кошерным, не приходится менять его цену — во всяком случае не настолько, чтобы оправдать отдельный учет. Но если бы изготовление кошерного лимонада стоило существенно больше, правило действовало бы слабее — в некоторой нелинейной зависимости от разницы в затратах. Если производство кошерной пищи обходится в 10 раз дороже, правило меньшинств окажется неприменимо — разве что в некоторых, самых богатых районах.

У мусульман есть похожие на кашрут принципы, однако они менее всеохватывающие и применяются только к мясу. Правила забоя скота для мусульман и евреев почти идентичны (все кошерные продукты халяльны для большинства мусульман-суннитов, или были халяльны в прошлом, но не наоборот).

Обратите внимание, что эти правила забоя унаследованы у древнего Восточного Средиземноморья: населявшие его греческие и семитские племена обращались к богам только по самым важным, глубоко личным делам, причем богам жертвовалось мясо, а верующие поедали то, что осталось. Боги не любят, когда с ними мелочатся.

Теперь рассмотрим еще одно проявление диктатуры меньшинства. В Великобритании, где доля практикующих мусульман в населении составляет всего 3–4%, неожиданно большое количество мяса оказывается халяльным. Почти 70% баранины, импортируемой из Новой Зеландии, — халяль. Почти 10% заведений Subway — халяльные (то есть из их

меню полностью исключена свинина), несмотря на высокие издержки, связанные с отказом от части ингредиентов. То же самое и в Южной Африке, где при тех же пропорциях мусульманского населения непропорционально большое количество курицы сертифицировано как халяль.

Но в Великобритании и других христианских странах отношение к культуре, стоящей за халяльными продуктами, не настолько нейтрально, чтобы они распространились по-настоящему широко, — ведь люди могут сознательно отвергать чужие религиозные нормы. Так, в VII веке арабский христианский поэт аль-Ахтал с гордостью отказывался есть халяльное мясо и воспел свою непокорность и христианскую мораль в знаменитом стихотворении «Я не ем жертвенную плоть». Можно ожидать, что такое же отвержение мусульманских религиозных норм будет наблюдаться и на Западе по мере роста мусульманского населения Европы.

Таким образом, правило меньшинств может привести к появлению в магазинах большего числа халяльных продуктов, чем это оправдано с точки зрения доли покупателей, соблюдающих халяль, — правда, тут есть и сдерживающий фактор: для кого-то мусульманская пища может стать табу. Но если правило не относится к религиозной сфере, можно ожидать, что оно распространится на 100% популяции (или, по крайней мере, на какую-то значительную ее долю).

В США и Европе продажи производителей «органических» продуктов постоянно растут именно из-за правила меньшинств, а также потому, что обычная, непомятая пища якобы может содержать пестициды, гербициды и генетически модифицированные организмы (ГМО), которые, по заявлениям производителей «органических» продуктов, влекут за собой неизвестные риски.

Для кого-то мотивы могут быть и экзистенциальными — осторожность или консерватизм в стиле Эдмунда Бёрка, нежелание слишком далеко и слишком быстро отходить от того, что ели их бабушки и дедушки. Наклеив на что-то этикетку с надписью «органический», мы даем понять, что продукт не содержит ГМО.

Крупные сельскохозяйственные компании продвигают генетически модифицированные продукты питания через лобби, подкуп конгрессменов и откровенную пропаганду в научных статьях (а заодно и клеветнические статьи против таких, как ваш покорный слуга), и при этом всерьез полагают, что все, что им нужно, — переманить на свою сторону большинство. **Да нет же, вы, идиоты.** Как я уже и говорил, ваш «научный» подход слишком наивен.

Учтите следующее: все, кто едят ГМО, будут есть и не-ГМО, но ни в коем случае не наоборот. Поэтому достаточно, чтобы какие-то 5% от равномерно распределенного в пространстве населения не ели ГМО, чтобы все остальное население тоже было вынуждено есть не-ГМО.

Как это работает?

Скажем, вы устраиваете корпоратив, а может свадьбу, а может пышную вечеринку в честь падения режима в Саудовской Аравии, или в честь банкротства вымогательского и взяточнического инвестиционного банка Goldman Sachs, или в честь публичного порицания Рэя Кочера, председателя Ketchum — PR-агентства, которое от имени крупных корпораций порочит честных ученых и борцов за правду в научном мире.

Будете ли вы рассылать всем приглашенным опросник, в котором они должны указать, едят ли они ГМО или нет, и надо ли им заказать отдельное меню? Нет, конечно. Вы просто закажете все без ГМО, при условии, что разница в цене не будет столь существенна. И разница в цене будет действительно невелика, потому что расходы на

(скоропортящиеся) продукты питания в Америке на 80–90% зависят от стоимости доставки и хранения, а не от стоимости на сельскохозяйственном уровне.

А поскольку спрос на органические продукты питания (и такие ярлыки, как «био» и «натуральное») довольно высок, то, по правилу меньшинства, стоимость доставки уменьшается, а эффект правила меньшинства только растет.

Крупные сельскохозяйственные предприятия не понимают, что входить в игру надо именно так: необходимо не только набрать больше очков, чем у противника, но, для большей уверенности, выиграть 97% от общей суммы баллов. И, опять же, еще более странно то, что крупные СХ тратят сотни миллионов долларов на исследования вкупе с клеветническими статьями и покупают десятки этих ученых, считающих себя умнее всех, но при этом упускают из виду элементарное правило асимметричного выбора.

Другой пример: не думаю, что рост популярности автомобилей с автоматической коробкой передач связан в первую очередь с тем, что большинство водителей предпочитают «автомат»; причиной этому может служить просто тот факт, что те, кто может управлять ручной коробкой передач, спокойно могут пересесть и на «автомат», но не наоборот.

Примененный в данном случае метод анализа называется «ренормализационная группа» — это мощный аппарат математической физики, позволяющий отметить увеличение или уменьшение определенной тенденции. Приведу еще пару примеров (не математических).

Ренормгруппа

Рисунок 2. Ренормгруппа, шаги с первого по третий (сверху вниз): четыре ящика, каждый из которых содержит по четыре ящика. На первом шаге один из ящиков окрашен оранжевым, и каждый следующий шаг показывает последовательное воплощение «правила меньшинств»

Рисунок 2 демонстрирует нам то, что называется «фрактальным самоподобием». В каждом из больших четырех квадратов находится по четыре маленьких квадрата, и до какого-то предела этот принцип повторяется и в большую, и в меньшую сторону. Также есть два цвета: синий — выбор большинства и оранжевый — выбор меньшинства.

Предположим, что квадрат поменьше состоит из семьи из четырех человек. Один из членов семьи находится в крайней оппозиции и питается только не-ГМО (что включает в себя органическую пищу). Один квадратик у нас оранжевого цвета, а три остальных — синего.

А теперь «ренормализуем» эту семью на один порядок: упорной дочери удалось навязать свою позицию остальным членам семьи, и теперь все квадратик пооранжевели, а значит, теперь все едят не-ГМО.

Дальше: наша семья отправляется на барбекю-вечеринку с другими семьями. Поскольку она, как известно, ест только не-ГМО, то и все остальные будут готовить только органическую пищу. Затем владелец местного магазина, видя, что в районе покупают только не-ГМО, переключится на продажу только органической продукции — так проще. А потом и местный оптовик переключится на не-ГМО, а история будет развиваться и «ренормализоваться».

За день до барбекю в Бостоне я прогуливался по Нью-Йорку и зашел в офис к другу — я хотел помешать ему работать дальше. **Я считаю, что работа — это такая деятельность, злоупотребляя которой можно не только утратить ясность мышления, но и нажить сколиоз и какую-то размытость в чертах лица.** По стечению обстоятельств французский физик Серж Галам тоже заскочил в офис моего друга, чтобы убить время.

Галам первым применил метод ренормализации в социологии и политологии; я знал его, так как он написал на эту тему основательный труд, и его книга уже несколько месяцев валялась в нераспакованной коробке Amazon в моем подвале. Он ознакомил меня со своими исследованиями и показал компьютерную модель выборов, согласно которой было достаточно, чтобы некоторое меньшинство превысило определенный уровень, и тогда оно может навязывать свой выбор большинству.

Та же иллюзия существует и в дискуссиях на политическую тематику, которые проводят «ученые-политологи»: вы думаете, что если крайнее правое или левое крыло партии заручится поддержкой 10% населения, то их кандидат получит 10% голосов. Нет: такие базовые избиратели классифицируются как «негибкие», так как они всегда будут голосовать за эту фракцию. А вот некоторые из «гибких» избирателей тоже могут проголосовать за экстремистов — точно так же как некошерные могут есть кошерное. За этими людьми и надо следить, потому что они способны раздуть базу поддержки экстремистской партии.

Модели Галама породили ряд парадоксальных эффектов в политологии — и его предсказания оказались куда ближе к реальным результатам, чем наивные теории ученого большинства.

Вето

Опыт изучения групп ренормализации говорит нам о том, что вето, наложенное одним из участников группы, может повлиять на решения всей группы. Рори Сазерленд предположил, что это объясняет процветание некоторых сетей быстрого питания, например, Макдоналдса: дело не в том, что они предлагают высококачественную продукцию, а в том, что на них не наложено вето определенной социально-экономической группой — и очень небольшим процентом ее участников.

Используя научные термины, можно сказать, что это лучший из худших сценариев отклонения от ожиданий: с более низкими дисперсией и средним значением.

При наличии небольшого числа опций Макдоналдс выглядит безопасным выбором. Также он является безопасным выбором в подозрительных местах, где мало постоянных посетителей, и где отклонение качества продукции от ожидаемого может иметь последствия — я пишу эти строки на вокзале в Милане, и как бы ни оскорбительно это могло показаться прибывшему издалека туристу, Макдоналдс — одно из немногих имеющихся тут заведений. Удивительно, но внутри можно заметить не желающих рисковать итальянцев. То же самое относится и к пицце: это блюдо считается приемлемым в самых широких кругах, и если речь идет не о роскошном званом вечере, кто угодно может заказать пиццу, не опасаясь осуждения.

Рори написал мне об асимметрии выбора между вином и пивом в качестве напитков для вечеринки: «Как только число присутствующих женщин становится равным 10% или больше, нельзя подавать только пиво. Но большинство мужчин согласны пить вино. Поэтому, подавая только вино, можно обойтись одним комплектом стаканов — вино, если говорить на языке групп крови, является универсальным донором».

Лингва франка

Если встреча проходит в Германии, в типичном тевтонском конференц-зале корпорации, которая в достаточной мере является международной или европейской, и один из присутствующих не говорит по-немецки, вся встреча будет проходить на... английском, на том не слишком изящном английском, который используют корпорации по всему миру. Так можно одновременно и в равной степени надругаться и над своим тевтонским наследием, и над английским языком.

Все это началось с правила асимметричного выбора, гласящего, что носители других языков владеют хотя бы плохим английским, тогда как обратное (знание иностранного языка носителем английского) менее вероятно.

Когда-то языком дипломатии считался французский, который использовали происходящие из аристократических семей государственные служащие, в то время как их соотечественники более низкого происхождения, занятые в коммерческой сфере, использовали английский. В соперничестве двух языков победил английский, так как в современном мире стала доминировать торговля; эта победа не имеет никакого отношения к престижу Франции или попыткам чиновников продвинуть свой более или менее красивый латинизированный язык, противопоставив его логичные правила чтения запутанной орфографии языка любителей мясных пирогов, живущих по ту сторону Ла-Манша.

Так мы можем составить некоторое представление о том, как переход языков в ранг международных может происходить согласно правилу меньшинств — перспектива, не очевидная для лингвистов.

Арамейский язык — это похожий на арабский семитский язык, который пришел на смену финикийскому (ханаанскому) в Леванте. На этом языке говорил Иисус Христос. Причина, по которой арамейский стал доминировать на Леванте и в Египте, заключается не в особой власти семитов и не в интересной форме их носов. Арамейский, язык Ассирии, Сирии и Вавилона, распространили персы, которые сами говорили на индоевропейском языке.

Персы научили египтян языку, который даже не был их собственным. Все просто: завоевав Вавилон, персы быстро обнаружили, что писцы в местной администрации владеют только арамейским и не знают персидского, поэтому государственным языком стал арамейский. Если ваш секретарь умеет писать только по-арамейски, вам придется использовать именно этот язык.

Это привело к удивительным последствиям — так, арамейский использовался в Монголии, где обнаружены записи сирийским алфавитом (сирийский язык является восточным диалектом арамейского).

Столетиями позже история повторилась в обратном порядке, когда арабы в начале становления своего государства в VII и VIII веках стали использовать в делопроизводстве греческий. В течение эллинистической эпохи греческий стал языком международного общения в Леванте, заменив в этой роли арамейский, и чиновники Дамаска вели записи на греческом.

Но по Средиземноморью греческий язык распространили не греки: не Александр (который сам был не греком, а македонцем, и греческий был для него вторым языком — только не пытайтесь обсуждать это с греками, для них это болезненная тема) провел моментальную и глубокую эллинизацию культуры.

Распространению греческого языка способствовали римляне, использовавшие его в качестве языка управления на востоке империи. Мой франкоязычный друг из Канады Жан-Луи Рео сокрушается о том, что за пределами небольших территорий французские канадцы утрачивают свой язык. Он говорит: «В Канаде билингвами называют тех, кто говорит по-английски, а когда мы говорим „франкоговорящий“, это слово обозначает билингв».

Религия — территория одностороннего движения

Таким же образом, распространение ислама на Ближнем Востоке, где христианство имело глубокие корни (оно там и родилось), может объясняться двумя простыми асимметриями. Изначально исламское правительство не было заинтересовано в обращении христиан, так как те платили им налог — исламский прозелитизм не затрагивал так называемых «людей писания», то есть представителей авраамических религий.

На самом деле, мои предки, пережившие тринадцать веков правления мусульман, даже находили преимущества в своем немусульманском вероисповедании — в первую очередь, в отсутствии призыва в армию.

Вот что это за правила асимметричного выбора.

Во-первых, по закону ислама, если немусульманин хочет жениться на мусульманке, он должен обратиться в ислам, и если один из родителей ребенка является мусульманином, ребенок также является мусульманином.

Во-вторых, переход в ислам является необратимым, так как, согласно религиозному закону, отступничество является самым тяжким преступлением, и наказанием за него служит смертная казнь.

Знаменитый египетский актер Омар Шариф, при рождении названный Мишель Демитри Шальхуб, происходит из ливанских христиан. Он обратился в ислам, чтобы жениться на знаменитой египетской актрисе, и был вынужден изменить имя на арабское. Позже он развелся, но к вере своих предков так и не вернулся.

Легко построить симулятор действия этих асимметричных правил и рассчитать, как небольшая группа приверженцев ислама, заняв христианский (коптский) Египет, может со временем обернуть ситуацию таким образом, что копты станут крохотным меньшинством. Все, что для этого нужно, — небольшой процент межрелигиозных браков.

Подобным же образом можно наблюдать, что иудаизм, как правило, не распространяется, а остается религией меньшинства, поскольку в нем приняты противоположные правила: мать должна быть иудейкой, поэтому те, кто вступает в брак с представителями других религий, покидают сообщество.

Еще более сильная асимметрия, чем в случае с иудаизмом, объясняет упадок на Ближнем Востоке трех гностических религий: друзов, езидов и мандеистов (в гностических религиях тайные знания и мистерии доступны лишь небольшому числу старейшин, в то время как остальная часть сообщества остается в неведении относительно подробностей веры).

В отличие от ислама, согласно которому мусульманином может быть любой из родителей, или иудаизма, требующего, чтобы иудейкой была хотя бы мать, эти три религии требуют принадлежности к вере обоих родителей, и человек иного происхождения не может быть принят сообществом.

В Египте плоский ландшафт. Распределение популяции представляет собой гомогенные смешения, что позволяет происходить нормализации (т. е. дает возможность действовать правилам асимметричного выбора) — ранее в этой главе мы увидели, что для распространения кашрута необходимо некоторое распределение иудеев по всей стране.

Но в таких местах, как Ливан, Галилея и север Сирии, где местность гористая, христиане и представители не-суннитских течений ислама по-прежнему проживают компактно. Христиане, не имевшие контактов с мусульманами, не вступали в межрелигиозные браки.

Египетские копты столкнулись с другой проблемой: необратимостью перехода в ислам. Многие копты во время исламского правления принимали ислам, и это была скорее формальность — так было проще найти работу или решить спор в соответствии с исламским правом. Человеку было не обязательно искренне верить, особенно учитывая, что ислам не конфликтует с православием, к которому исторически принадлежит коптская община. Мало-помалу христианская или еврейская семья, пошедшая на формальное обращение в ислам в стиле марранов, начинает всерьез соблюдать обряды, а через несколько поколений дети уже не помнят обычаев своих предков. Так что ислам побеждал за счет неуклонного давления — как и само христианство при других обстоятельствах.

В самом деле, в Риме, еще до возникновения ислама, христианство победило благодаря религиозной нетерпимости своих сторонников, их агрессивного желания проповедовать и распространять свою веру. Римские язычники изначально были терпимы к христианам, поскольку римская традиция предполагала включение богов покоренных провинций в общий пантеон. Но им было непонятно, почему эти назаряне не хотят следовать общему порядку и настаивают на исключительности своего бога. Выходит, наши боги им не годятся?

Однако христиане были нетерпимы к римскому язычеству. «Гонения» на христиан были в значительной степени спровоцированы нетерпимостью самих христиан к римским богам, а история, которой нас учат, написана победившей стороной, то есть не греко-римской, а христианской цивилизацией.

Нам очень мало известно о римском взгляде на эту проблему, поскольку весь дискурс захвачен Житиями святых. У нас есть, например, рассказ Святой великомученицы Екатерины, которая уже в заключении продолжала обращать в христианство своих тюремщиков, пока не была обезглавлена. Правда, возможно, она никогда не существовала.

Мы знаем великое множество историй христианских святых и мучеников, и очень мало — о языческих персонажах. То немногое, что нам известно, касается правления Юлиана Отступника — есть описания этих времен, сделанные греко-сирийскими язычниками, в том числе Либанием Антиохийским. Юлиан попытался вернуться к древнему язычеству, но напрасно — христианство было уже не сдержать. Большая часть населения была языческим, но это оказалось неважно, потому что христиане были гораздо менее терпимы.

Это было время великих христианских мудрецов — можно упомянуть Григория Богослова и Василия Кесарийского или Великого, но никто из них не мог сравниться с великим оратором Либанием.

Я подозреваю, что язычество способствует гибкости ума, поскольку подразумевает большую неоднозначность и оставляет широкое пространство для толкований. Чисто монотеистические религии, например протестантизм, салафитский ислам или фундаменталистский атеизм порождают посредственность и буквализм.

Оглянувшись на историю Средиземноморья, мы обнаружим много ритуальных и поведенческих систем, близких к тому, что мы могли бы назвать религией. Иудаизм почти исчез из-за изоляции и наследования по женской линии, но христианство, а позднее и ислам, успешно распространились.

Кстати, об исламе. Их ведь было много, и окончательная версия довольно сильно отличается от предыдущих. Внутри ислама повторилась все та же история — его захватили пуриты (суннитская ветвь) просто потому, что они были нетерпимее других: ваххабиты, основавшие Саудовскую Аравию, разрушали неудобные святыни и насаждали максимально строгие правила — позже их путь повторило ИГИЛ (организация признана террористической и запрещена в России — прим. ред.). И каждое поколение суннитов, казалось, выбирало из всех вариантов традиции наиболее строгие.

Навязать другим нравственное поведение

Эта идея односторонней нетерпимости может помочь разобраться с некоторыми заблуждениями.

Как запрещают книги? Дело, конечно, не в том, что они оскорбляют среднего человека — большинство пассивно и не очень интересуется отвлеченными вещами. Глядя на запреты прошлого, можно сделать вывод, что для этого достаточно нескольких мотивированных активистов.

Скажем, великий философ и логик Бертран Рассел потерял работу в Городском университете Нью-Йорка из-за писем одной разъяренной (и очень упорной) матери, которая не могла допустить, что ее дочь будет находиться в одном помещении с этим распутником и вольнодумцем.

Судя по всему, похожим образом была устроена история Сухого закона, введение которого породило в США мафию.

Все это позволяет предположить, что эволюция нравственных ценностей в обществе определяется не изменением консенсуса. Нет, двигателем изменений выступает конкретное лицо, которое в силу своей нетерпимости начинает требовать от окружающих особенно добродетельного поведения.

То же самое можно применить к гражданским правам. Дело в том, что механизмы развития религии и передачи морали похожи на таковые у пищевых ограничений, и мораль навязывается большинству меньшинством. Ранее мы убедились, что между соблюдением и нарушением правил существует асимметрия — законопослушный (или подчиняющийся правилам) человек всегда следует правилам; при этом преступник или человек без твердых принципов вовсе не всегда их нарушает. Также мы обсудили сильную асимметрию пищевых запретов на примере халяля.

Давайте объединим эти соображения. Оказывается, в классическом арабском языке у термина «халяль» есть антоним: «харам». Так называется нарушение любых правовых и моральных норм. Харамом может быть потребление запрещенной пищи и любая другая форма недостойного поведения: прелюбодеяние с женой соседа, кредитование под проценты (когда кредитор не принимает на себя риски заемщика) или убийство домовладельца для собственного удовольствия. Харам — это харам, и он асимметричен.

Итак, мы видим, что, когда какое-то нравственное правило сформировалось, достаточно относительно небольшого числа непримиримых сторонников, распределенных географически, чтобы диктовать обществу новую норму. Как мы увидим в следующей главе, было бы заблуждением считать, что человечество спонтанно становится все гуманнее и лучше — на самом деле это касается лишь небольшой горстки людей.

Парадокс Поппера

Сегодня, когда я пишу эти строки, люди спорят, не ограничат ли свободу просвещенного Запада те самые политики, которых сейчас приводит к власти необходимость бороться с салафитскими фундаменталистами. Понятно, что демократия, исходя из ее определения, может терпеть наличие врагов. Вопрос в следующем: согласны ли вы лишить права на свободу слова любую партию, в программе которой прописано ограничение свободы слова?

А теперь сделаем еще один шаг вперед: может ли общество, которое решило быть терпимым, быть нетерпимым к нетерпимости?

Есть легенда, что австрийский логик и математик Курт Гёдель, готовясь к экзамену по натурализации в США, обнаружил эту логическую проблему в американской конституции, и заспорил с судьей во время экзамена — спас его только присутствовавший при этом Эйнштейн.

Я уже писал о людях, которые, находясь не в ладах с логикой, спрашивали меня, «нужно ли скептически относиться к скептицизму». Я отвечал так же, как в свое время Поппер, когда его спрашивали, можно ли фальсифицировать фальсификацию.

Мы можем ответить на эти вопросы, используя правило меньшинства. Да, нетерпимое меньшинство может взять под контроль и уничтожить демократию. Как мы показали, когда-нибудь наш мир от этого погибнет. Таким образом, мы должны быть более нетерпимы с некоторыми особенно нетерпимыми меньшинствами. Невозможно подходить к салафизму, отрицающему права других народов на собственную религию, с американскими ценностями и западными принципами. Так что сейчас Запад совершает самоубийство.

Рынки и наука не управляются большинством

Давайте теперь поговорим о рынках. Рыночная ситуация — это не сумма мнений участников; изменение цены является отражением действий наиболее мотивированных покупателя и продавца. Да, правила опять устанавливают самые мотивированные.

Это довольно контринтуитивно и понятно только трейдерам — что из-за одного продавца цена может измениться на 10%. Просто продавец нужен упорный. Получается, что реакция рынка несоразмерна исходному импульсу.

Сегодня фондовый рынок имеет объем более 30 трлн долларов, но всего один ордер на сумму в 50 млрд, сделанный в 2008 году, заставил рынок упасть на 10% — потери составили около 3 трлн долларов. А ведь размер ордера составлял меньше 0,2% от общего объема рынка. Этот ордер выставил парижский банк Société Générale, обнаруживший действия недобросовестного трейдера и пытавшийся исправить последствия.

Почему рынок реагирует так непропорционально? Так как ордер был односторонним — упрямоство, — желающие продать были, а желающих купить не было.

Я формулирую это так: Рынок — это огромный кинотеатр с маленькой дверью.

Если об этом помнить, легко отличить человека, который ничего не понимает в том, о чем говорит, например, среднего финансового журналиста — такой обязательно будет смотреть на что-то одно, либо на размер двери, либо на размер театра. В кинотеатре запросто может случиться давка — для этого кому-то достаточно крикнуть: «Пожар!».

Здесь мы видим ту же безусловность, о которой мы говорили, обсуждая кашрут. Наука работает аналогично. Позже мы обсудим, почему за попперовским подходом к науке стоит правило меньшинства, а пока поговорим о более популярном Фейнмане.

Он был одним из самых оригинальных умов своего времени и написал книжку «Какое тебе дело до того, что думают другие?». Это сборник историй из его жизни. В ней Фейнман проводит идею «непочтительности» науки, описывая аналогичный асимметричный механизм кашрута.

В чем аналогия? В науке, как и в случае с рынком, процесс принятия решений не сводится к консенсусу, он очень асимметричен. Если вы опровергли какую-то теорию, то она теперь неверна (я говорю о науке, так что давайте оставим в стороне дисциплины вроде экономики и политологии — они относятся скорее к индустрии развлечений).

Если бы наука управлялась консенсусом большинства, мы до сих пор жили бы в Средневековье, а Эйнштейн так и остался бы патентным клерком с бессмысленным и бесплодным хобби.

Александр Македонский якобы сказал, что «лучше иметь армию овец во главе со львом, чем армию львов, возглавляемую овцой». Александр (или реальный автор этого изречения) хорошо понимал роль активного, нетерпимого и мужественного меньшинства.

Ганнибал с крошечной армией наемников терроризировал Рим полтора десятилетия, выиграв 22 сражения, каждый раз против численно превосходящих римских войск. Его вдохновляла та же мысль. В битве при Каннах он заметил Гискону, который жаловался, что римлян больше, чем карфагенян: «Но в таком огромном количестве народа нет ни одного человека, которого звали бы Гисконом».

Unus sed leo: один, но лев

Большой выигрыш, который дают мужество и упорство, характерен не только для военного времени. Развитие общества, будь то мораль или экономика, определяется небольшим количеством людей. Таким образом, чтобы повлиять на состояние общества, нужно быть готовым на жертвы. Дело не в консенсусе, большинстве, комитетах, многословных обсуждениях, научных конференциях и голосованиях — чтобы изменить всё, достаточно лишь нескольких человек. Для этого нужна асимметрия — а она есть всегда.

Источник: Нассим Талеб, [Medium](#)

Подробнее на <https://ru.ihodl.com/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva/>